

ТРИНАДЦАТАЯ ЧАШКА

東和銀行

TOKYO

カメラの田中

東和銀行

TOKYO

1948

Антон Абрамов

АНТОН АБРАМОВ

Тринадцатая чашка

«Автор»

2026

Абрамов А.

Тринадцатая чашка / А. Абрамов — «Автор», 2026

Основано на реальных событиях. Токио, январь 1948 года. В отделение банка входит вежливый человек с медицинским саквояжем и повязкой санитарного инспектора. Он сообщает о вспышке дизентерии, показывает визитку врача и велит служащим принять профилактическое средство. Шестнадцать человек подчиняются. Двенадцать умирают. Убийца забирает часть денег и уходит пешком. Полиция находит удобного подозреваемого - художника Садамити Хирасаву. У него находят чужую визитку и квитанции денежных переводов, происхождение которых он не может объяснить. Инспектор Кэйскэ Арицуна замечает: преступник пришел в банк не за деньгами. Он проводил процедуру. След ведет к бывшим военным лабораториям, архивам оккупационных властей и человеку, который когда-то записывал результаты опытов на живых людях. А в показаниях выжившей служащей появляется невозможная деталь: среди отравленных лежала женщина в очках, которой не числилось ни среди сотрудников, ни среди клиентов. У нее есть имя и его кто-то пытался стереть.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. Чёрный чай	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Двадцать минут до закрытия	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Семнадцатый круг	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тринадцатая чашка

ЧАСТЬ I. Чёрный чай

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Двадцать минут до закрытия

К двум сорока в служебной комнате отделения Тэйкоку-банка в эмалированном чайнике темнела крепкая заварка; на носике легла бурая кайма, на фарфоре чашек остался серый след вчерашнего дня, и Норико Сайто знала этот вкус без пробы — по густому цвету, по осадку у доньшка, по кассиру Исиде, морщившемуся после каждого глотка и снова тянувшемуся к чайнику. С понедельника заварку экономили: утром банча, к полудню кипятков, к закрытию вкус, пригодный разве что для того, чтобы согреть пальцы через тонкий фарфор. В январе сорок восьмого года и такой чай считался домашней роскошью, перенесённой в контору на время службы, где люди стыдились голода, как проступка, и говорили о нём через цену угля, очередь за бататом, пустые полки лавки у станции.

До закрытия оставалось двадцать минут. На стене над конторкой управляющего часы с лакированным ободом показывали две сорок; большая стрелка, чёрная и узкая, стояла на восьмёрке. Отделение готовилось к концу дня в порядке, какой Морикава-ситэнчо требовал даже от молодых служащих: печати вытереть, штемпельные подушки закрыть, банкноты переложить пачками по достоинству, соробаны убрать в ящики костяшками вниз, журнал посетителей перенести в кабинет, чтобы клиенты, опомнившиеся у самой двери, уже не увидели свободной строки. На стекле кассовой перегородки оставались следы ладоней, на полу — серые полосы от обуви, вдоль плинтуса — угольная пыль, занесённая с улицы. Пахло чернилами, крахмалом воротничков, табаком управляющего, разогретой печкой, дешёвым мылом, которое кассирши хранили в бумаге и доставали перед обедом.

Норико вела остаток дня по минутам, кассу — по колонкам, собственные желания — по мелким монетам в потайном отделении сумки. Пять иен на батат для младшего брата, две — на жареные бобы к Сэцубун, ещё одна монета, медная, с затёртым краем, лежала отдельно: на трамвай, если к вечеру поднимется ветер с севера и идти до дома в Сэнкаве станет трудно. Она держала карандаш коротко, двумя пальцами, как учили в коммерческой школе; от этой привычки на среднем пальце образовалась твёрдая мозоль, и Норико, замечая её в бане или за завтраком, всякий раз испытывала тихую гордость. Мозоль означала службу. Служба означала жалованье. Жалованье означало рис, пусть смешанный с ячменём, и возможность раз в неделю купить для матери настоящий чай, завернутый в тонкую бумагу, где иероглифы ещё сохраняли чёткость.

Мать с утра напомнила ей о бобах через закрытую дверь, пока Норико завязывала шарф и искала перчатку под футоном младшего брата. «В этом году бросим как следует», — донеслось из кухни вместе с шорохом рисового мешка; мать имела в виду Сэцубун, домовладельца, кашель Синдзи, цены на уголь, американские грузовики у станции, всю накопившуюся за зиму беду, которую приличная женщина превращала в заботу о правильном обряде. Норико пообещала принести бобы без шелухи, если лавочник уступит хоть одну монету. Синдзи, лежавший под ватным одеялом, высунул руку и потребовал батат с подгоревшей коркой. У него с лета держалась слабость после плеврита, и Норико ненавидела эту тонкую руку за то, что она каждый день напоминала о деньгах лучше любого банковского журнала.

— Сайто-сан, квитанции второго окна, — Исиде протянул ей четыре листка, зажатые меж указательным и средним пальцами, чтобы чернила быстрее подсохли.

Норико приняла листки обеими руками, хотя Исида передавал их без церемонии; Морикава-ситэнчо любил замечать такие вещи краем взгляда, и девушкам в отделении приходилось быть воспитаннее мужчин. На старшей кассирше Ооно был тёмный шерстяной кардиган с вытертыми локтями; она привезла его из Кофу ещё до войны и каждый год перешивала манжеты. У Такахаси, помощника управляющего, воротничок торчал над пиджаком слишком высоко: жена с вечера накрахмалила ткань, желая придать мужу солидность, а получилось, будто Такахаси весь день держал голову под распоркой. Юный посыльный Тэцудзо, которому доверяли носить бумаги на станцию, прятал за стойкой книжку с картинками и всякий раз вздрагивал, когда дверь звенела.

В задней комнате жена Морикавы разбирала принесённые из дома свёртки. Она появлялась в отделении ближе к закрытию, чтобы затем вместе с мужем идти к родственникам в Нагасаки; там обещали немного белого риса, настоящего, без примеси, за кимоно с подкладкой. В углу, под длинным столом, сидела их младшая дочь и вырезала из газеты бумажную куклу. Норико слышала шелест ножниц, и от этого звука ей было легче выдерживать казённую тесноту банка, где на каждой вещи имелся номер, место и срок.

За дверью, в узком проёме между стенами домов, стоял зимний свет. К двум сорока он терял цвет, и деревянные вывески лавок у станции превращались в тёмные полосы с белыми знаками. В Сиинамати к концу дня торговец углём накрывал тележку брезентом, мальчик в школьной фуражке тянул за собой пустой бидон, две женщины спорили у лавки маринованного дайкона, стараясь сохранять голоса низкими, чтобы прохожие сочли их ссору разговором о цене. За путями, у станции Сэйбу, гудел поезд. Норико любила этот гул: вместе с ним в комнате возникало ощущение расписания, ещё действующего среди ларьков, очередей, перешитой одежды и печей с плохой тягой.

Звонок над входной дверью дрогнул коротко, без привычного дребезга, будто посетитель придержал створку рукой.

Тэцудзо захлопнул книжку. Ооно подняла глаза от пачки банкнот. Морикава-ситэнчо вышел из кабинета, уже приготовив служебную улыбку для клиента, явившегося на исходе операционного дня.

На пороге стоял мужчина лет сорока с небольшим, среднего роста, в тёмном пальто, с кожаным саквояжем и нарукавной повязкой санитарного отдела. Шляпу он снял сразу, у самого входа, и держал у бедра, прижав к пальто. Волосы у него были зачёсаны назад, на висках поблескивала седина; подбородок чисто выбрит, воротничок рубашки белел над шарфом, завязанным аккуратным узлом. В его одежде всё подчинялось служебной сдержанности: гладкий ворот, приглушённая ткань, карманы без лишнего объёма, движения, рассчитанные на краткую проверку. Он умел входить в учреждение так, чтобы его приняли за часть учреждения.

Он поклонился управляющему.

— Прошу извинить вторжение перед закрытием. Городской санитарный отдел. Доктор Ямагути Дзиро.

Визитка легла на стойку. Морикава взял её двумя руками, прочёл, задержал взгляд на печати, склонил голову с той степенью уважения, какая предназначалась чиновникам, врачам и людям, имеющим право распоряжаться временем других. Норико, сидевшая у второго окна, видела только тёмные иероглифы, напечатанные на плотной бумаге, и маленькую эмблему отдела здравоохранения в углу. Бумага была лучше той, что выдавали банку с начала зимы; по одной этой детали Норико уже готова была верить визитке.

— Чем отделение может содействовать, Ямагути-сэнсэй? — Морикава придвинул журнал посетителей, хотя санитарный чиновник мягким движением ладони уже отстранил его.

— Запись позднее. В квартале подтверждён случай дизентерии. По распоряжению санитарного отдела и в согласовании со штабом оккупационных войск профилактическое средство

требуется принять всем служащим, находившимся сегодня в помещении. Процедура займёт несколько минут.

Американское слово не прозвучало, но штаб оккупационных войск заменял его целиком. После упоминания GHQ служащие выпрямляли спины, понижали голоса, укорачивали вопросы. Морикава прижал визитку к журналу, словно хотел передать бумаге часть ответственности.

— Сейчас? — у Ооно вырвалось раньше, чем она успела поклониться.

Санитарный чиновник повернулся к ней. В ответе звучала выверенная деловая учтивость.

— Чем быстрее, тем лучше для вас. Симптомы у заражённых проявляются внезапно. Банк обслуживает район, через кассу проходят деньги, конверты, документы. Распоряжение касается всех присутствующих.

Норико слышала, как под столом зашуршала газетная кукла. Дочь Морикавы перестала резать бумагу.

— Дети? — Морикава обернулся к задней комнате.

— Все присутствующие, — врач раскрыл саквояж. Металлическая застёжка щёлкнула сухо. — Доза малая. Для ребёнка я отмерю отдельно.

В саквояже лежали флаконы, стеклянная пипетка в футляре, сложенные марлевые салфетки, коробочка с ватой, тонкая записная книжка. Норико с уважением отметила порядок: инструменты располагались по размерам, салфетки лежали стопкой, горлышки флаконов были обвязаны бумажными полосками с иероглифами. На флаконе с бесцветной жидкостью имелась красная отметка. На втором, меньшем, синяя.

— Прошу всех собраться у стола. Старшие первыми. После первой дозы держите средство во рту до моего сигнала. Затем проглотите и сразу примете вторую. Горечь сильная, действие краткое. У кого больное сердце?

Вопрос прозвучал так буднично, что никто сперва не ответил. Морикава кашлянул и назвал пожилого бухгалтера Кадзиту, у которого осенью случился приступ. Врач кивнул, сделал пометку в книжке. Пометка заняла одну короткую строку. Норико смотрела на его пальцы: длинные, сухие, с чистыми ногтями; такие пальцы бывают у людей, работающих с бумагой и лекарством.

— Очередь, пожалуйста. Одна чашка на человека.

На служебном столе нашлось двенадцать чашек, ещё четыре принесли из кабинета управляющего и задней комнаты. Чашки были разного вида: две фарфоровые с синей полосой, три толстостенные, казённые, одна с отколотым краем, которую Ооно прятала от клиентов, детская чашка с потёртым рисунком зайца, тонкая белая пиала Морикавы, привезённая когда-то из Киото. Врач расставил их полукругом. Он не спросил, где удобнее. Его ладонь двигалась над столом уверенно, и чашки получали одинаковые промежутки одна от другой, как предметы на медицинском подносе.

Норико встала пятой, за Ооно. Ей хотелось возразить: кассу ещё надо закрыть, деньги оставить на столе нельзя, покупатель из лавки соевых лепёшек обещал зайти за сдачей до трёх. Но Морикава уже распорядился запереть входную дверь изнутри, а Такахаси опустил шторку на первом окне. Служащие умолкли. Рабочий день продолжался, клиенты за стеклом ещё могли подойти к двери, деньги лежали в раскрытых ящиках, однако все присутствующие, от управляющего до посыльного, стояли у стола с чашками, будто на медицинском осмотре в школе.

Врач наливал средство из красного флакона каплями, считая вполголоса. Для Морикавы — шесть. Для Ооно — пять. Для Норико — пять. Для девочки — две, разбавленные водой из чайника. Каждая порция получалась прозрачной; только на дне чашки жидкость давала

маслянистый блеск. Затем он раздал вторую дозу из синего флакона, меньше, с резким запахом спирта.

— Сейчас все возьмут первую чашку. Средство держать во рту. Глотать по моей команде. После глотка я покажу вторую.

Морикава поклонился первым, подавая пример. Он взял чашку обеими руками. Остальные повторили. Норико почувствовала под пальцами фарфор с мелкой трещиной у края; трещина царапнула подушечку большого пальца, и это простое ощущение вдруг стало важным, гораздо важнее слов врача. Ей захотелось спросить, можно ли запить чаем, но Ооно стояла впереди, не шевелясь, и Норико удержала вопрос. Вежливость часто требовала глотать то, что подали.

— Прошу.

Жидкость коснулась языка холодной полосой. Сначала вкуса не было, только медицинская пустота, как от полоскания в больнице; через несколько ударов сердца появилась горечь, тяжёлая, с косточковой, миндальной глубиной. Норико держала рот закрытым, отводя взгляд от девочки с газетной куклой: та, набрав средство в щёки, стала похожа на ребёнка, которому велели пить рыбий жир.

Врач поднял ладонь.

Все проглотили.

Горло обожгло изнутри. Норико судорожно вдохнула носом, но врач уже делал успокаивающий жест, будто ожидал именно такой реакции.

— Вторая.

Она потянулась к малой чашке. Пальцы слушались хуже, чем обычно; трещина на фарфоре будто перешла в кожу и поднялась к запястью. Вторая жидкость пахла спиртом и травой, горечь от неё стала шире, заполнила нёбо, ударила в корень языка. Исида кашлянул. Ооно зажала рот платком. Морикава с усилием выпрямился, желая сохранить достоинство перед подчинёнными.

— Нормальная реакция, — врач закрыл красный флакон, затем синий. — Жжение, головокружение, краткая слабость. Сядьте, пожалуйста. Через минуту станет легче.

Первым осел Кадзита. Он сделал шаг к стулу, но колено ушло в сторону, и старик опустился на пол так медленно, будто осторожно садился на татами в гостях. Такахаси бросился к нему, успел схватить за локоть, сам согнулся и уронил очки. Ооно вскрикнула без звука: рот открылся, дыхания не хватило. В задней комнате жена Морикавы опрокинула поднос; чашки ударились о доски, одна раскололась с высоким тонким звоном.

Норико хотела помочь Ооно, но пол под ногами стал далёким. В груди возникла теснота, похожая на ту, что бывает в переполненном поезде, когда к рёбрам прижимают чей-то свёрток; только свёрток находился внутри. Она увидела Исида у стойки: он обеими руками держался за край кассового окна, пальцы свело судорогой, рот ловил воздух. Тэцудзо, посыльный, стоял на коленях и пытался собрать рассыпанные счёты, словно ошибка в бухгалтерии могла объяснить происходящее.

— Сидеть, сидеть, прошу, — голос врача оставался низким, уверенным. — Средство действует. Дышите через нос. Паника усилит спазм.

Норико слышала это и поверила на долю секунды. Врач говорил как человек, которому известен конец процедуры. Он передвигался меж падающими служащими, наклонялся, придерживал голову Морикавы, отводил в сторону руку Ооно, чтобы та не ударилась о ножку стола. Среди хаоса он один знал, куда ставить ступню, где лежит флакон, какой стул мешает проходу.

Затем девочка под столом издала тонкий свистящий звук. Жена Морикавы метнулась к ней, успела только приподнять скатерть и сама рухнула на бок, запутавшись в длинном рукаве. Бумажная кукла выскользнула из детских пальцев и легла возле ножки стола, белая, с криво вырезанными рукавами.

Врач посмотрел на часы.

Этот жест Норико запомнила яснее всего. Часы, поднятое запястье, отведённая манжета, проверенная минута. В отделении люди хватали воздух, царапали пол, пытались подняться, а мужчина с повязкой санитарного отдела проверял минуту.

Норико поползла к стойке; там был телефон. Номер полиции висел на карточке под аппаратом, рядом с номером пожарной команды и санитарного участка. Ей оставалось протянуть руку, снять трубку, повернуть диск. Тело не слушалось. Локти разъезжались, в ушах набирался тяжёлый шум, на языке держалась миндальная горечь.

У края стола лежала женщина в очках.

Сперва Норико решила, что это Акико из расчётного отдела, но у Акико были круглые заколки и родинка у уха, а эта женщина носила волосы иначе: низко собранные, гладкие, с короткой прядью у виска. На ней была служебная блуза с серым воротничком, какую носили девушки отделения, но Норико отвечала за запасные воротнички и знала каждую ткань, каждую пуговицу, каждую штопку на манжетах. Такого воротничка в банке не было. Очки — тонкие, металлические, с узкими дужками — лежали на переносице чуть криво. Одна рука женщины находилась ладонью вверх. Пальцы были сложены так, словно она ожидала, что ей вложат маленький предмет: монету, пуговицу, таблетку, имя на полоске бумаги.

Норико хотела позвать Ооно, спросить, кто эта служащая, из какого окна, из какой смены. Горло не пропустило звук.

Врач тоже увидел её.

До этого он был занят процедурой. Теперь вся его собранность оборвалась в одном движении: пальцы разжались, крышка синего флакона покатила по столу, подбородок у него дёрнулся, на шее выступила жила. Он сделал шаг назад и задел стул, хотя раньше обходил тела с точностью человека, привыкшего к тесным лабораторным проходам.

Женщина в очках лежала среди отравленных спокойно. Норико знала: спокойствия у умерших в первые минуты не бывает. Кадзита скреб ногтями пол, Исида бил пяткой по доскам, Морикава пытался что-то произнести, Ооно сжимала платок зубами. Только эта женщина уже принадлежала другому времени.

Врач наклонился к саквояжу, но взял не флаконы. Он выдернул из внутреннего кармана конверт, сунул туда несколько пачек банкнот, сгреб монеты из открытого ящика, на секунду задержался у плотной связки чеков и оставил её там, где она лежала. Норико, сквозь судорогу, увидела нелепость этого выбора: вор, пришедший за деньгами, выбирал деньги без жадности, как человек, которому нужна была сама кража, а не добыча.

Дверь была заперта изнутри. Врач подошёл к ней, но обернулся.

Женщина в очках слегка повернула голову.

Норико не смогла бы поклясться в этом, даже если бы перед ней поставили алтарь, полицейского и мать. Возможно, это дрогнуло зрение; возможно, один из умирающих задел край стола, и от этого переменялся угол. Однако врач увидел то же самое. Он прижал саквояж к боку, бросил шляпу, поднял её с пола резким, срывающимся движением, открыл дверь и вышел в январский свет.

Звонок над входом звякнул один раз.

На полу рядом с Норико лежала визитка. Доктор Ямагути Дзиро. Городской санитарный отдел. Чёрные иероглифы на плотной бумаге, маленькая эмблема, аккуратный край.

Норико тянулась к телефону. Пальцы коснулись ножки аппарата. Диск находился выше, чем следовало; вся стойка казалась установленной для людей другого роста, другого дыхания, другой жизни. Она попыталась подняться и увидела под кассовым стеклом ряд чашек.

Шестнадцать.

Она считала их глазами, теряя одну за другой: синяя полоска, толстый фарфор, детский заяц, чашка с отколотым краем, белая пиала Морикавы. Шестнадцать чашек, шестнадцать порций, шестнадцать глотков.

У края стола темнел ещё один круг от доньшка.

Для него чашки не было.

Норико снова посмотрела туда, где лежала женщина в очках. Между телами оставалось пустое место, но пустота имела очертание человека. На досках — складка серого воротничка, которой там быть не могло. Или ей мерещилось. Или прежний порядок, где квитанции сходились с кассой, оборвался вместе с горькой дозой.

В горле поднималась новая волна боли. Норико прикусила язык и удержала одно слово, чтобы не потерять его до врачей, полиции, посторонних вопросов, до бумаги, на которой кто-нибудь напишет всё иначе. «Она была не из банка».

ГЛАВА ВТОРАЯ. Семнадцатый круг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.